

РУССКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА XX ВЕКА

УДК 82:801.6; 82-1/9

Ю. О. Чернявская, Т. К. Балобанова

«ДЕРЕВЕНСКИЙ ДЕТЕКТИВ» В. ЛИПАТОВА КАК ПАРОДИЯ НА МИЛИЦЕЙСКИЙ РОМАН

В повести В. Липатова «Деревенский детектив» (1968) пародируются штампы милицейского романа 1960–1970-х гг. В своем произведении В. Липатов пародирует традиционные детективные клише, помещая героя в анекдотические ситуации пространства современной деревни. В. Липатов создает произведение, отвечающее запросам массового читателя, используя узнаваемые ситуации, привычных, шаблонных героев, известных по произведениям «деревенской прозы» и «милицейского романа».

Ключевые слова: В. Липатов, «Деревенский детектив», массовая литература.

Повесть Виля Липатова «Деревенский детектив», написанная в 1968 г., занимает особое место в ряду произведений детективного жанра. К концу 1960-х гг. в советской литературе уже сложилась каноническая форма милицейского романа [1], к лучшим образцам которого следует отнести «Лапшина» Ю. Германа, «Дело пестрых» А. Адамова, «Сержанта милиции» И. Лазутина, «Приступаю к задержанию» Н. Леонова. В 1970–1980-е гг. появятся произведения, которые можно назвать классикой жанра, в первую очередь это романы братьев Вайнеров, цикл романов о следователе Л. Гурове. Многие из них были экранизированы и стали, в свою очередь, классикой советского кино («Место встречи изменить нельзя», «Следствие ведут ЗнаТоКи», «Версия полковника Зорина»). Все эти произведения, при всем их различии, объединяет одно – образ советского милиционера, стоящего на страже интересов Родины и государства. Об этом пишет А. В. Сахно: «Художественный канон образа милиции, сформированный в российской культуре XX в., предполагает совмещение в повседневной деятельности милиционера профессионализма и гуманизма. При этом героизм Стража порядка оттеняется его обычностью, отсутствием суперменских качеств. Смысл профессиональной деятельности усматривается не в наказании преступника, а в восстановлении нарушенного правопорядка, который включает в себя создание преступнику условий для возвращения в социум» [2, с. 11]. Отсюда и назидательность произведений милицейской тематики. Задачей милиционера является не только раскрытие преступления, но и наставление заблудших граждан на истинный путь.

В «Деревенском детективе» В. Липатова учтены все характерные для милицейского романа особенности. Существенным отступлением от канона становится погружение детективного сюжета в деревенскую атмосферу. Об этом пишет К. Партэ:

«От канонической деревенской прозы писатель берет место действия (деревню, а не колхоз), колоритных деревенских персонажей, ощущение заката традиционной крестьянской жизни и антипатию к безликости и быстрому темпу городской жизни» [3, с. 129]. Уточнение «деревенский» в названии также становится знаком принадлежности к определенному направлению. Несмотря на то, что повесть была написана в Москве, «Деревенский детектив» во многом автобиографичен. Поселок Кедровый соединяет в себе черты сибирских деревень, в которых прошло детство и молодость писателя. Образы героев тоже легко узнаваемы, поскольку своих персонажей В. Липатов писал «с натуры»: «В. Липатов говорил, что этот персонаж взят из реальной жизни, он списал его с милиционера из своей родной сибирской деревни» [3, с. 128–129].

Преступление в «Деревенском детективе» можно назвать крупным только по деревенским меркам, круг подозреваемых ограничен масштабами деревни, и в процессе расследования перед нами проходит череда узнаваемых типов: тракторист, поселковый фельдшер, заведующий клубом, доярки и колхозники. В основе сюжета «Деревенского детектива» лежит не столько преступление (убийство), сколько анекдот, случай из сельской жизни (например, кража аккордеона). Даже для милицейского романа эпохи бесконфликтности и жесточайшей цензуры это было слишком, неслучайно К. Партэ видит в повести пародию на детектив [3, с. 130].

Образ идеологически «правильного» стража порядка настолько прочно вошел в советскую массовую культуру, что в 1970-е гг. начинает осознаваться как штамп и, как следствие этого, становится объектом пародии. Не случайно в 70-е гг. в социалистической Польше начинают публиковаться иронические детективы Й. Хмельевской, а в отечественном кино появляются шаржированные образы милиционеров («Человек ниоткуда», «Берегись

автомобиля» Э. Рязанова, «Кавказская пленница», «Бриллиантовая рука», «Иван Васильевич меняет профессию» Л. Гайдая). Пародировался не столько облик стража порядка, сколько штампы милицкого романа, что позволило этим произведениям обойти строгую советскую цензуру. По тому же пути идет и В. Липатов, создавая образ участкового Анискина. В первую очередь в повести пародируются устойчивые детективные клише, хотя и образ главного героя не лишен авторской иронии. Сельский детектив не соответствует идеальному образу милиционера, воплощенному в классических произведениях. Анискину за шестьдесят, он тучен и неповоротлив, речь его напоминает говор шукшинских персонажей. Этот чрезмерно опрошенный образ более напоминает карикатуру на вдумчивых и целеустремленных следователей милицкого романа.

Существенным отличием является и то, что Анискин воплощает собой не столько закон социалистический, сколько народный. Он стоит на страже векового уклада и судит, т. е. наводит порядок в духе патриархальных представлений о жизни: сватает продавщицу Дуську, делает строгий выговор морально неустойчивому Паздникову, стыдит городских бездельников и делает строго внушение распоясавшимся хулиганам Паньковым. По деревне Анискин идет как хозяин («ноги нараскорячку») подмечая все, что не укладывается в его представления о норме деревенского бытия. Традиционной основой сельской общины является семья и труд, сам Анискин – хороший семьянин и работник, именно такими должны быть и все живущие в деревне люди. Порядок, который стремится восстановить милиционер, – это порядок патриархально-колхозного мира, в котором сам Анискин играет роль мудрого патриарха. И каждому нарушителю он дает шанс на исправление.

Пародируется в повести В. Липатова не только образ главного героя – милиционера, иронии подвергается и способ ведения расследования. Так, вместо того чтобы выяснять ключевые детали преступления, Анискин начинает рассуждать на отвлеченные темы. В милицком романе сыщик делает умозаключения на основании найденных улик. У В. Липатова рассуждения Анискина не имеют ничего общего с расследованием и касаются бытовых проблем: «Особенно интересно вот что, Геннадий Николаевич, за счет чего тараканы живут? Вы человек образованный, городской, так что сами понимаете – никакого пропитания для тараканов в кабинете нету <... > Может, они замазку в стеклах жрут, – задумчиво промолвил участковый. – Так сколь ее, замазки?» [4].

Пародирует В. Липатов и знаменитый дедуктивный метод Шерлока Холмса. Объясняя ситуа-

тивному «Уотсону», каким образом он собирается отыскать аккордеон, Анискин делает умозаключения, руководствуясь ему одному ведомой логикой: «Я так полагаю, Геннадий Николаевич, что вор среди ночи на аккордеоне хоть раз да пискнет. Во-первых, сказать, вор молодой, во-вторых, аккордеон перламутровый, а в-третьих, Геннадий Николаевич, как вы сами говорите, два регистра... Так что идите за мной и помогите своим замечательным слухом...» [4]. Этот «дедуктивный» метод основан на знании психологии деревенского жителя. Постороннему человеку сложно уловить связь между возрастом похитителя, видом инструмента и его музыкальными характеристиками, но для Анискина эта связь очевидна: молодой парень не сможет удержаться, чтобы не поиграть на красивом, перламутровом аккордеоне, наличие же двух регистров поможет опытному музыканту отличить звучание дорогого инструмента от обычной гармошки.

Повесть состоит из цепи эпизодов, связанных главным действующим лицом лейтенантом милиции Анискиным. Последовательно сыщик встречается с потерпевшим, затем – потенциальными подозреваемыми, помощниками, свидетелями, наконец, преступником. Как и положено автору детектива, В. Липатов не стремится к раскрытию психологического состояния героев, не погружает читателя в их личные переживания. Образы представлены одним-двумя яркими штрихами, выраженными посредством жеста или деталей.

Отсутствие помощника, благодаря которому читатель детективного романа узнает об умозаключениях и выводах сыщика, делает повествование более сжатым и в то же время наглядным: мы следим за действиями Анискина, делая выводы на основании его поступков и слов. Внимание читателя сосредоточивается не на логике (умозаключениях, версиях, выводах и т. д.), а на внешних деталях, жестах, мимике, благодаря чему каждая сцена превращается в расписанное по законам драмы действие. Автор усиливает визуальные средства изображения, перенося акцент на видимое, слышимое. Отсюда доминирующее значение жеста, звука, движения. Автор не стремится объяснить развитие сюжета или направление мысли следователя, герои у В. Липатова говорят сами за себя, объясняя смысл собственных действий и поступков.

Допрос подозреваемых, изучение места преступления носят откровенно пародийный характер и превращаются в комические сцены, об этом говорит и сам автор: «Разные представления участковый любил до смертыньки, и когда Геннадий Николаевич стал трясти руками по-особенному и кричать нечеловеческим от красоты голосом, Анискин удобно устроился на диване, примолк и на заведующего посмотрел с уважением» [4]. Во время бе-

седы Анискин как будто забывает о своих профессиональных обязанностях, откровенно наслаждаясь импровизированным спектаклем. Крупные жесты в духе немого кино усиливают комический эффект: «Потрясая руками, заведующий промчался по пяти метрам комнатухи, развернувшись волчком, гулко ударил себя рукой в грудь. – Для артиста муза больше жены, женщины, подруги. О, гражданин Сторожевой нанес мне смертельный удар! О!»; «Ах, Геннадий Николаевич, ах, дорогой! – тоже вскричал участковый и прижал к груди руку с веткой рябины» [4]. Эмоциональная речь, «пробежки» по импровизированной сцене усиливают впечатление от происходящего.

Комедийный характер носит и сцена, в которой пьяный Паздников пытается протрезветь: вначале заведующий нюхает «бутылочку с какой-то дрянью», подпрыгивает на месте, убегает за угол, «своем» проносится по площадке, «раскинув руки крестом» и «вихляя из стороны в сторону», при этом с него потоком стекает грязная вода. Обрамляет эпизод авторский комментарий, объясняющий случившееся – завклубом нырнул с головой в бочку с протухшей водой, стоящую за углом. Благодарный Анискин и здесь реагирует соответственно: «участковый выпучил глаза и схватился руками за живот – хохотать» [4]. Тот же прием используется в сценах с «тунеядцами» и продавщицей Дуськой. Фиксируя жесты героев, паузы, мельчайшие детали, В. Липатов делает картину зримой, наглядной. Кроме того, детализация замедляет развитие сюжета, благодаря чему читатель успевает оценить комические нюансы, напрямую не связанные с детективной линией сюжета.

Роль психологических пауз выполняет описание природы. Пейзажные зарисовки чаще всего замещают ход рассуждений Анискина или обрамляют напряженные моменты диалога, выполняя релаксирующую функцию, снимая напряжение. Природа в повести всегда спокойна и умиротворенна, и зачастую противопоставляется состоянию героя, переживающего момент высочайшего психического напряжения: «Судорожно взмахнув рукой, Анискин вышел на крыльцо, подставив ветру с Оби лицо, несколько раз вдохнул пряный, увядающий аромат сена, береговой глины и просто воздуха, который в сентябре настаивался сам по себе» [4]. Органично вплетаются в пейзаж шумы и звуки, чаще всего производственные. Повесть оркеструют звуки мирного труда, напоминающего о постоянно идущей в колхозе работе. Это шум трактора, стук молота по наковальне, голоса руководителей колхоза. Звуки призваны напомнить читателю (посредством воспринимающего сознания Анискина) о том, что жизнь в деревне, несмотря на преступление, идет своим чередом, люди заняты извечным

крестьянским трудом. Пьянство и мелкое воровство, выбивающие жизнь деревни (и Анискина) из колеи на этом фоне становятся всего лишь досадными недоразумениями, не способными существенно изменить установленный порядок: «Вот теперь только и услышалось в тишине, что на колхозной конторе уличный громкоговоритель нярявает какой-то заморский фокстрот, плещутся под яром в Оби ребятишки, а в колхозной кузнице бьет молотом в наковальню кузнец Юсупов, ремонтируя дергачи к жнейкам» [4].

Все попадающие в поле зрения повествователя персонажи подвергаются авторской иронии, проявляющейся как во внешнем описании, так и индивидуализированной речи героев. В большей степени ирония сопровождает образы самого Анискина и потерпевшего – заведующего клубом Паздникова. Жесты и детали доведены до гротеска: «пришел в клуб при шляпе и красных штиблетах, говорил медленно, как контуженый, шурился и прищелкивал каблуками»; «тарачил по-рачьи глаза, покручивал пальцами»; «уши у него горели, как ягоды рябины, ...а иссиня-красный чиновничий нос, наоборот, побледнел»; «он ... неторопливо пошел по улице, ... – пузо вперед, голова поднята, ноги нараскорячку»; «вышел на крыльцо, ... величественно поднял голову, а руки трагически сложил на щуплой груди» [4].

Характерна и речь персонажей, представляющая собой набор идеологических штампов или фразы из популярных советских песен: «Искусство, Федор Иванович, – сказал заведующий, – принадлежит народу. Конечно, кино – самое массовое из искусств, но, Федор Иванович, музыка призвана воспитывать человека не только эстетически, но, если можно так выразиться, и политически. Нам песня строить и жить помогает, Федор Иванович» [4].

Речь может быть построена на явных и скрытых цитатах из классических произведений: «Кто потревожил артиста? – пивным басом спросил он. – Кто, отзовись из мрака?»; «Да, артист пьян! – жутким голосом произнес заведующий. – Смотри, толпа, и смейся!» [4].

Речь Анискина расцвечена характерными для сибирского говора диалектизмами: «Ну, вздымите, братовья Паньковы, глаза на народ» [3]; в особо торжественных случаях уснащается идеологическими штампами. В таких случаях комический жест используется для того, чтобы снять официозный пафос речи: «Партия и правительство, товарищи, обращают все больше и больше внимания на работу органов советской милиции. – Сделав передышку, участковый набрал в грудь воздуха и совсем выкатил глаза» [4].

Диалог также зачастую отвечает критерию наглядности: речь участкового и остальных персона-

жей часто дублирует жест или действие героя: «Мы догадываемся, почему ты сопишь, но хоть ты и член колхоза, для тебя решение общего собрания тоже закон...»; «Я не потому соплю...» и т. д. [4].

В. Липатов создает свою пародию на милицкий роман, используя следующие приемы:

– комическая речь, использование просторечной лексики, сочетание несочетаемых слов и понятий;

– пародирование традиционных детективных клише;

– бытовые, анекдотические ситуации (кража аккордеона и т. д.)

На наш взгляд, совершенно не случаен тот факт, что пять произведений В. Липатова были экранизированы и сам писатель принимал участие в создании сценариев. Его «деревенский детектив» во многом испытывает влияние отечественной комедии 1960-х гг., выросшей в питательной атмосфере оттепели, возвращающей в русскую культуру все многообразие народных смеховых жанров. В. Липатов создает произведение, отвечающее запросам

массового читателя/зрителя. Неслучайно автор обращается к одному из самых популярных жанров масскульта – детективу, превратившемуся в конце XX в. из интеллектуального упражнения в развлекательное чтиво. Писатель выбирает узнаваемые ситуации, использует привычных, шаблонных героев, известных по произведениям «деревенской прозы» и «колхозного романа». Ситуации, лежащие в основе сюжета, не претендуют на постановку серьезных проблем. В какой-то степени В. Липатову удается модернизировать образ сыщика из советского романа о милиции – блюститель социальной законности приобретает черты деревенского простофили, чудака, стоящего на страже патриархального быта. Автору удалось создать типаж, полюбившийся массовому читателю, о чем свидетельствуют успешные экранизации произведений.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-14-70005a(p).

Список литературы

1. Кожемякин М. Советская милиция в литературе и кинематографе СССР. URL: http://samlib.ru/m/mihail_kozhemjakin/milicia.shtml (дата обращения 15.11.2015).
2. Сахно А. В. Образ милиции в русской культуре: конструкция и деконструкция типов восприятия: дис. ... канд. социол. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 207 с.
3. Партэ К. Русская деревенская проза: светлое прошлое (пер. И. М. Чеканиной и Е. С. Кирилловой). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 204 с.
4. Липатов В. Деревенский детектив. URL: <http://www.litmir.co/bd/?b=17604> (дата обращения: 06.05.2015).

Чернявская Ю. О., кандидат филологических наук, доцент.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, 634061.
E-mail: uchers@sibmail.com

Балобанова Т. К., студентка.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, 634061.
E-mail: tamara.balou@gmail.com

Материал поступил в редакцию 20.10.2015.

Yu. O. Chernyavskaya, T. K. Balobanova

“VILLAGE DETECTIVE” BY VIL LIPATOV AS A PARODY OF A POLICE NOVEL

In the story by V. Lipatov “Village Detective” (1968) used the comic techniques dating back to the tradition of folk culture, especially folk farce performances. V. Lipatov uses theatrical techniques to visualize what is going to make it more clear and visible. The story is written by the laws of drama and the script with a carefully prescribed staging, replicas, author’s remarks. Some comic scenes are a cascade of tricks performed in accordance with the tradition of “clownish actions”. The story consists of comic scenes which represent the cascade of the tricks executed according to the tradition of a comic short story which prominent features are: use of colloquial lexicon, a combination of incongruous words and concepts; paradoxical logic; parodying of traditional detective clichés; theatrical gestures, facial expressions; everyday lowered situations.

Key words: V. Lipatov, “Village Detective”, popular culture, mass culture.

References

1. Kozhemyakin M. *Sovetskaya militsiya v literature i kinematografe SSSR* [Soviet militia in the literature and cinema of the USSR]. URL: http://samlib.ru/m/mihail_kozhemjakin/milicia.shtml (accessed 15.11. 2015) (in Russian).
2. Sakhno A. V. *Obraz militsii v russkoy kul'ture: konstruktsiya i dekonstruktsiya tipov vospriyatiya*. Avtoref. dis. kand. sotsiol. nauk [Image of militia in Russian culture: construction and deconstruction of perception types. Abstract of thesis cand. social. sci.]. Rostov-on-Don, 2005. 207 p. (in Russian).
3. Parte K. *Russkaya derevenskaya proza: svetloye proshloye* [Russian rural prose: the light past] translated by I. M. Chekanina and E. S. Kirillova Tomsk, TSPU Publ, 2004. 204 p.
4. Lipatov V. *Derevenskiy detektiv* [Rural detective] URL: <http://www.litmir.co/bd/?b=17604> (accessed 06 May 2015) (in Russian).

Chernyavskaya Yu. O.
Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, 634061.
E-mail: ucher@sibmail.com

Balobanova T. K.
Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, 634061.
E-mail: tamara.balou@gmail.com